

В Барнауле на сцене Алтайского краевого театра драмы состоялась премьера спектакля «Интуиция» по пьесе Александра Цыпкина. Режиссером постановки выступил Данил Чащин, художественным руководителем — Константин Хабенский. Ранее «Интуиция» существовала как программа в рамках проекта «Беспринципные чтения», была показана в московском Гоголь-Центре и в театре «Современник»

текст **Ольга ИСУПОВА**

Несомненный успех

Основу сюжета составляют монологи героев, которые только что умерли и начинают это осознавать. Все застигнуто смертью внезапно. Тринадцать монологов о том, что в жизни осталось невыполненным, недосказанным, отложенным на потом выслушивают два ангела: Инструктор (Лена Кегелева), Стажер (Артём Казаков) и, конечно, зрители. Задача Стажера — выбрать одного человека для отправки на сутки обратно, даровать ему последний день, и тогда будет можно что-то исправить. Юноше жаль каждого, но выбор необходим, а критерий для него — личная интуиция.

Несомненный успех спектакля связан именно с актерским воплощением. Заслуженная артистка РФ и Бурятии Надежда Царина создает трогательный образ Марии Боголюбской — женственной, беззащитной, бесконечно одинокой после смерти мужа, которого она пережила на 37 лет.

В пронзительном исполнении Галины Зориной (Вероника Фролова, страдающая болезнью Альцгеймера) звучит тема жизни больного среди здоровых апелляцией к милосердию в мире нарушенных связей между людьми. Блестяще, остро, на стыке индивидуального и типического воплощает Антон Кирков образ водителя Валерия Дунченко, для которого низкооплачиваемые интеллигенты — социальное зло. Эдуард Тимошенко комически ярко и психологически тонко выстраивает образ самовлюбленного эгоиста Бориса Озерного, инфантильного в свои 65 лет.

«Интуиция» — спектакль «короткого дыхания», представляющий драматургию открытой формы. Конфликт в нем раздроблен на микроконфликты, отражающие дисгармоничность жизни каждого героя. Так, Аркадий Ярцев (Николай Мирошниченко), в юности «наступивший на горло собственной песне», не став футболистом, всю жизнь сожалеет об этом. Николай Кирпичников (Вадим Сеницын) долгие десятилетия не решает позвонить прежней возлюбленной и попросить прощения. Вся жизнь уходит у героя на то, чтобы осознать свои чувства, разобраться в них.

В противоположность нерешительному Кирпичникову Сергей Зятько (Константин Кольцов) без колебаний бросается спасать неловкого солдата, уронившего гранату. Элегантная, уверенная в себе, но так и не встретившая свою «половинку» Ольга Петрова (Елена Адушева) приходит к решению родить ребенка, зачатого с помощью ЭКО. Чтобы быть независимой от мужчины. Чтобы тот никогда не смог предъявить свои родительские права. Но, когда она умирает при родах («Почти никто же от этого не умирает!»), ситуация поворачивается другой стороной: кроме престарелой бабушки, о новорожденной дочери теперь некому позаботиться. Если что-нибудь случится, девочку ждет детдом.

Особняком стоят «молодежные» истории, где конфликты связаны с трудностями взросления, какое-то наступает, хотя бы частично, уже за гранью жизни. Светлана Рябинкина (Анна Бекчанова), умершая от операции по увеличению груди, поначалу радуется, что оказалась «одной на миллион», что похороны — это «крутая тусовка», а в дальнейшем осознает бессмысленность самой операции. Виталий Панфилов (Александр Рогозин), скончавшийся от передозировки наркотиков, досадует, что не опубликовал в Интернете сочиненную песню. Он вдруг осознает, что жизнь упущена, мечта стать музыкантом неосуществима.

Дальше других молодых людей от прозрения ошибок собственной судьбы оказывается Денис Роговец (Михаил Меньших), погибший, когда снимал селфи с несущимся на него поездом. «Успеть бы отпрыгнуть, а потом выложить крутое фото» — делает он выводы из уже закончившейся жизни. Но вдруг вспоминает, что хотел посмотреть «Троицу» в Третьяковке, где не был никогда, хотя жил совсем рядом.

Из рассказа женщины Инструктора зритель неожиданно узнает, что в прошлом она та самая собака, которую сбил Егор Матвеев (Евгений Бакуменко), самый первый «клиент» Стажера. И Стажер, недавно желающий отпустить всех героев, в нарушение правил выбирает Инструктора. Срабатывает тайный,

приведенный в действие интуицией механизм Вселенной. Вспыхивает красным светом слово «выход», и перед Стажером распахиваются двери в мир.

Место действия — пространство перед Вратами Чистилища, оформленное в виде амфитеатра. Сценография ассоциируется и с греческим театром, и римским Колизеем с гладиаторскими боями. Из вечности

и надпись «Pecatum — грех», зеркально написанная по-латыни на осеняющем происходящее плакате.

«Интуиция» предполагает дальнейшее голосование зрителей на сайте автора пьесы Александра Цыпкина. Они выбирают вызвавшего наибольшее сочувствие героя. В разных городах результаты голосования разные, но суть одна. Люди голосуют за жизнь.

текст **Лариса Виганит**

Без восторга

*Нелегко удержаться во мнении своем,
когда вокруг все правы...*

Александр Пак

Восторга по поводу премьеры спектакля по пьесе Александра Цыпкина «Интуиция» в краевом театре, проявленного в соцсетях и газетах, я не разделяю. Однако объективность постараюсь сохранить и удачные моменты отмечу. Интересной оказалась сценография (Николай Симонов). Всего лишь сектор амфитеатра, организующий игровое пространство, но соотнобразует он с известным рисунком Сандро Боттичелли «Картада», выполненным к «Божественной комедии» Данте. Контекст великих произведений мировой культуры как будто обещает ошеломительное волнение, настоящий катарсис. И тема взята вечная: жизнь — смерть. И экзистенциальный вопрос «И это вся моя жизнь?!» пунктуально подвешивается почившими в воздух адовой воронки. И режиссерская работа выполнена вполне чисто. Правда, организация сценического действия предельно проста (с недавними сложносочиненными спектаклями Римаса Туминаса, шедшими на этой же сцене, не сравнить) — тут грех допускать помарки.

Катарсиса не случается. Текстовый материал, положенный в основу спектакля, не отвечает, на мой взгляд, высокой идее. Автор пьесы Александр Цыпкин активно использует сниженную лексику (сука, сиськи, сдохла, музло, видос, хрен, разос...лись, охренеть, @уяк — и это далеко не все) и откровенный мат. На пресс-показе нецензурные слова звучали вполне внятно. Если площадные выражения по-прежнему остаются в ходу (режиссер обещал подчистить спектакль), то на афише, кроме возрастного ограничения «18+», прокатчики спектакля обязаны поместить ремарку: «На сцене звучит нецензурная брань».

Автор, вероятно, скажет, что матерную ругань он использует как средство характеристики героя. Изымите мат из монолога водителя Валерия Дунченко и увидите: матерщина не играет никакой роли в создании образа. Заслуженный артист РФ Антон Кирков в состоянии передать характер дальнобойщика без сквернословия — интонационного и пластического рисунка более чем достаточно. Использование мата в театре и литературе — это эпатажно, но не талантливо. Изображение грязного грязью не является задачей литератора. Если исповедовать истину: театр — храм искусства,

то и срамословие следует оставлять за порогом храма.

Между тем с индивидуальными речевыми характеристиками в пьесе дело обстоит туго — не спасает ни сленг, ни скверна. Молодые покойники — Света Рябинкина (Анна Бекчанова) умерла во время операции по увеличению груди, Виталик Панфилов (Александр Rogozin) умер от передоза, Денис Роговец (Михаил Меньших) умер, пока снимал селфи, — разговаривают одинаково развязно. В трех разных монологах звучит милое слово «чудило» на букву «м». Это никак не работает на образы героев, однако характеризует литературное мастерство автора. К слову, отличник Виталик Панфилов вполне мог бы держать себя не гопником.

Не могут похвастаться самобытностью и новопреставленные старшего поколения: Мария Боголюбская, Коля Кирпичников, Вероника Фролова. Общеупотребительный монотонный словарь, не более. Язык усреднен, стерт, как следствие и герои плоские, как тантамарески. Ярче других проявлен Борис Озерной (заслуженный артист РФ Эдуард Тимошенко), умерший во время секса.

В основе сочинения Александра Цыпкина лежит лента новостей. Вот одно из сообщений со страниц медиа: «Во время учений в Амурской области один из солдат выронил боевую гранату. Майор Сергей Солнечников быстро сориентировался, оттолкнул военнослужащего и накрыл гранату своим телом. Ценой собственной жизни офицер спас подчиненных». Это хорошо, что на сцене появляется офицер Сергей Зяцько (Константин Кольцов), совершивший подвиг. Он просто необходим на фоне многих персонажей, вовсе не вызывающих приязни.

Пятнадцать бенефисов, обещанные Константином Хабенским перед спектаклем, не состоялись. Для них просто недостаточно материала. На выходе получилась литературно-музыкальная композиция — обычный для школьных уроков прием. Слово «литературно» беру условно, лишь ради обозначения жанра. А вот что сделано, безусловно, грамотно, так это коммерческий театральный проект. Он построен с хорошим знанием PR-приемов: медийная личность + обратная связь. Одно имя (Константин Хабенский) — и все билеты на три премьерных спектакля раскуплены. Финал с интерактивной «прищепкой» — голосованием на сайте Александра Цыпкина за героя, достойного еще одного дня жизни — что-то вроде индикатора интереса, оценки проекта. Ход — подкупающий, сердцепипательный. Люди думают (и о своей жизни-смерти тоже), голосуют. ❏